

достойным для граждан <...> образом, при деятельном соучастии некоторых других “товарищей”, внимая жестоким указаниям, идущим из Москвы, принесли столь богатую кровавую жертву злему духу большевизма»⁵⁸. Противники большевиков сравнивали красный террор с языческими жертвоприношениями, приуроченными к празднованию годовщины Октября, не только постфактум, но и в ходе Гражданской войны.

Ноябрьская амнистия 1918 года стала успехом оппонентов ВЧК. Этот успех, впрочем, имел ограниченный характер⁵⁹. Механизм амнистирования к праздничным датам не был достаточно четко отработан и в последующие годы. В Государственном архиве Российской Федерации отложились письма из различных городов в специальную комиссию с вопросами о том, как технически должны осуществляться амнистии, приуроченные к третьей и четвертой годовщинам Октября⁶⁰.

Анализ того, как были связаны красный террор и праздник и какое воздействие праздник оказал на политику террора, позволяет глубже понять и особенности конкретной политической ситуации осени 1918 года, и некоторые особенности политической культуры Гражданской войны, в частности культуры насилия, в поле влияния которой находились и большевики, и их политические оппоненты и враги. В то же время носители этой культуры дискутировали о соотношении террора и праздника.

Противоречия, обозначившиеся во время дискуссий, проявились и в ходе организации символических казней врагов революции.

СИМВОЛИЧЕСКИЕ КАЗНИ ВРАГОВ РЕВОЛЮЦИИ

Корни обычая уничтожать чучела врагов Джеймс Фрезер видел в ритуалах гомеопатической (имитативной) магии:

...Предпринимавшиеся многими народами в разные эпохи попытки нанести вред врагу или погубить его путем нанесения увечий его изображению или уничтожению последнего в полной уверенности, что человек, против которого направлены эти магические действия, испытает при этом те же страдания или умрет⁶¹.

Как древний обычай использовали организаторы торжеств, описывающие себя в качестве носителей современной идеологии? Какие смыслы они вкладывали в эти церемонии и как менялись эти смыслы под воздействием политических обстоятельств? Какие фигуры должны были символизировать врагов революции? Как проявилась специфика сожжений символических фигур в различных городах? Ответив на эти вопросы, мы приблизимся к пониманию механизмов создания образов врагов художественными средствами.

Одно из мнений о том, кто должен олицетворять врагов революции, было обозначено в записке, датированной 23 октября 1918 года. Автором документа был нарком по военным и морским делам Л. Д. Троцкий, а адресатом — председатель Московского Совета Л. Б. Каменев. Прочитую этот примечательный документ полностью:

Думаю, что необходимо как можно шире развернуть агитацию против виновников вмешательства⁶², придав агитации самый популярный и доступный народным низам характер. Нужно популяризовать в стране фигуру Вильсона. Предлагаю во время празднеств 7 ноября не забыть о Вильсоне, Ллойд Джордже, Микадо, Клемансо и проч. Думаю, что хорошо было бы сжечь на площадях чучело Вильсона и пустить об этом радио по всему миру. На демократическую американскую сволочь такой обряд может произвести впечатление. Разумеется, уничтожение Вильсона должно иметь народный плебейский характер⁶³.

Каменев сделал к телеграмме приписку: «Прошу принять во внимание и осуществить, присоединив Милюкова, Скоропадского, Кюльмана и Чернина»⁶⁴.

Документ показывает, что видные большевики относились к сожжениям чучел врагов как к важной политической акции. Троцкий предложил организовать зрелище, которое должно было оказать воздействие и на «народные низы», и на международную аудиторию — «демократическую американскую сволочь». При этом Троцкий прибегал к «приему олицетворения»⁶⁵ — интервенцию символизировали конкретные политики.

Важно учитывать, что инициаторы этой акции демонстрировали различное понимание того, чей образ должен был символизировать главного врага революции. Называя в качестве

основных врагов глав Англии, Японии, Франции, особое внимание Троцкий уделял фигуре американского президента, именно он олицетворял собой империализм, был главной угрозой революции. Каменев предложил расширить репертуар врагов: кроме лидеров Антанты, символическому уничтожению должны были быть подвергнуты лидер кадетов, украинский гетман, дипломат, возглавлявший в марте 1918 года германскую делегацию на переговорах в Брест-Литовске, австро-венгерский дипломат и военный, также ассоциирующийся с Брестским миром. Позиция Каменева, в прошлом лидера «правых большевиков», и объяснялась, по всей вероятности, стремлением пересмотреть условия Брестского мирного договора в ситуации нарастания революционного кризиса в Германии. Примечательно, что в списке Троцкого, дополненном Каменевым, отсутствовали такие важные для большевистской пропаганды образы врагов, как белый генерал и священнослужитель.

Отсутствие единой позиции относительно того, кто должен олицетворять врагов революции, повлияло на организацию акций сожжений. 30 октября 1918 года на собрании Октябрьского комитета состоялись «оживленные прения»⁶⁶, после которых было принято предложение председателя секции связи и информации В. Н. Подбельского. Комиссиям, организующим праздник в районах Москвы, предоставлялась определенная инициатива: им было предложено «избрать в своем районе центральный сборный пункт — одну из главных площадей района. Объявить во всеобщее сведение пролетарским районам, что в 9 час. вечера 6 ноября на этой площади будет происходить сожжение Старого империалистического Строя и рождение Нового»⁶⁷. Изображения должны были «олицетворять собой Старый Строй во всех его проявлениях. Здесь должны быть все устои Старого Строя: капиталисты, попы, полицейские, пушки, снаряды, ружья и проч. Главное место среди эмблемы Старого строя должна занимать фигура современного столпа международного Империализма»⁶⁸.

Вероятно, обсуждение вопроса о том, кого должны символизировать сжигаемые изображения, продолжилось и в дальнейшем. Автор заметки в газете «Коммунар», рассуждая о важности этого элемента празднования, писал: «Что ж, это может выйти очень занятно и эффектно. Притащить на площадь большое

чучело попа, толстенького буржуя, коронованного дурака⁶⁹ и всенародно при подходящей обстановке эти чучела предать сожжению!..»⁷⁰ Как и Л. Д. Троцкий, автор заметки писал о лидерах интервентов как о главных врагах Советской России: «Для настоящего момента я бы считал наиболее постылыми фигурами тех, кто сейчас олицетворяет собою капиталистический мир, кто, оскалив хищные клыки, идет походом на молодую социалистическую республику. Чучела Вильсона, Ллойд-Джорджа, Клемансо и прочих властителей мира вызывают в сердцах коммунаров настолько определенную ненависть, что первое и самое почетное место на праздничных кострах мы могли бы отвести чучелам этих господ»⁷¹. Именно бывшие союзники России олицетворяли врагов революции.

Второго ноября на собрании маршрутно-пиротехнической комиссии, одной из секций Комитета по организации праздничных торжеств, была озвучена иная позиция. Глава комиссии А. В. Мандельштам заявил:

Совет⁷² считает, что если бы правительство санкционировало сожжение фигур таких сторонников мирового империализма, как сожжение фигур Вильсона, Клемансо, Ллойд Джорджа и других, — это имело бы громадное политическое значение и было бы большой ошибкой. Этого нельзя делать сверху, другое дело, если сам народ, низы пожелают сжечь такие фигуры⁷³.

От участников торжеств ожидали спонтанных актов насилия, но не вполне понятно, как это должно было реализоваться на практике — каким образом «низы» должны были заявить о своем желании уничтожить ту или иную фигуру врага. При этом, по мнению А. В. Мандельштама, в сложной военно-политической ситуации враждебная акция по отношению к лидерам Антанты могла привести к непредсказуемым последствиям.

Эта осторожная позиция была связана, как представляется, с меняющейся международной ситуацией. Празднование годовщины революции совпало по времени с периодом окончания мировой войны. Данное обстоятельство не могло не найти отражения в некоторых важных политических акциях, в пропагандистских текстах, приуроченных к празднику⁷⁴. Различные акторы указывали на особое положение страны на мировой

арене и на опасность, которая угрожает революции со стороны бывших союзников России.

В обобщающем труде по истории революционной эпохи Р. Стайтс отмечал, что в ходе советских праздников «сжигали соломенные чучела белых вождей и руководителей интервенции»⁷⁵. Это утверждение нуждается в комментарии: представление об интервентах как главных врагах революции не нашло выражения в каких-либо активных действиях в ходе празднования первой годовщины Октября в Москве. Несмотря на то что в пропагандистских материалах, изданных к празднику, образы интервентов занимали важное место, отношение к лидерам Антанты как к главным врагам революции не реализовалось в торжественных актах сожжений — на Лобном месте было уничтожено чучело кулака. Особый контекст разрушил выстраиваемый Троцким и Каменевым сценарий важной для большевиков пропагандистской акции. Организаторы торжеств проявили способность к импровизации — они в большей степени реагировали на меняющиеся политические обстоятельства, чем действовали в соответствии с заранее разработанным планом. Частный сюжет напоминает о том, что борьба за власть, которую вели большевики в период Гражданской войны, — это в том числе история компромиссов, отступлений, корректировок политического курса, быстрых реакций на динамику ситуации.

Наряду с обозначением основного врага революции, в ходе дискуссий был определен и характер церемонии. Материалы обсуждений показывают, что организаторы различного уровня проявили единство мнений относительно того, каким должен был быть стиль сожжений: Л. Д. Троцкий, А. В. Мандельштам апеллировали к «низам», а корреспондент «Известий» назвал праздничную иллюминацию Москвы «настоящим красным карнавалом»⁷⁶. Подобное отношение определило место сожжений в структуре празднования — они должны были стать карнавальным действием, предваряющим более ритуализированные и централизованные праздничные церемонии (парады, демонстрации).

Вечером 6 ноября от Ваганьковского переулкa к Красной площади двинулось шествие, возглавляемое телегой с чучелом кулака. В процессии принимали участие члены редакции газеты

«Беднота» и представители комбедов, съехавшиеся на праздник из разных частей страны (в первую очередь для участия в совещании делегатов комитетов бедноты).

Выбор пространства, в котором проходило сожжение, имел символическое значение. Корреспондент «Бедноты» писал: «На Лобном месте, где когда-то секли и рубили головы нашим товарищам, которые осмеливались пред каким-нибудь баринном или помещиком сказать правду. А сейчас здесь жгли чучело в виде кулака или самогонщика»⁷⁷. О роли памятного места рассуждал и другой представитель комитета бедноты:

До сих пор на это лобное место входила беднота только для казни. Много лет тому назад здесь четвертовали смелого вождя и защитника бедноты Степана Разина... В прошлом году за этими самыми Кремлевскими стенами буржуазия расстреливала наших борцов... Но теперь беднота вошла на это лобное место, чтобы окончательно уничтожить своих врагов...⁷⁸

Корреспонденты газет описывали сожжение как своеобразный акт мести, и эту идею подкрепляла репрезентация Лобного места как пространства народных страданий. Была сделана попытка изменить значение этого пространства: место публичных казней защитников народной свободы должно было стать местом символических казней врагов революции.

Символическая казнь кулака на Лобном месте разыгрывалась как ритуал разрыва с дореволюционным порядком, была моментом символического отрицания прежних социальных иерархий. Это ясно описал один из представителей комбедов: «"То он [кулак. — К. Г.] о нас руки грел, а теперь мы о него погреем", — сказал кто-то, подходя к догорающему кулаку и выставляя к огню руки...»⁷⁹

Акция на Лобном месте стала центральной церемонией сожжений в столице, именно она наиболее подробно описывалась в прессе. Вместе с тем корреспондент «Правды» упоминал о том, что «сожжение эмблем старого строя имело место и в районах. Оно сопровождалось речами и фейерверками и всюду собирало огромные толпы народа»⁸⁰. В Бутырском районе было организовано «художественное сожжение чучелы, изображающей Милюкова», а в Хамовническом районе — «эмблем царского величия»⁸¹. На Екатерининской площади были

сожжены изображения Николая II и Григория Распутина⁸². Акции сожжений отличались разнообразием: в разных частях городах уничтожались различные образы врагов, единого представления о том, кто должен символизировать врага, среди организаторов торжеств не было.

Переводчица О. М. Шереметева отмечала в дневнике: «Я пишу под выстрелы, идет иллюминация после сожжения эмблем старого строя. Город декорирован, Охотный расписан учениками Строгановского училища, на Театральной деревья окутали кисеей, посыпали синькой и развесили красную паклю. В общем, пролетарское великолепие. (Хотя я ничего не видала, у меня болит нога, и я не выхожу.)»⁸³ Ю. В. Готье сравнил московские фейерверки с сакральным действием: «Вечером [6 ноября. — К. Г.] была своего рода пасхальная ночь: у Хр[иста] Спасителя жгли фейерверк в течение около получаса; вероятно, жгли и какие-нибудь чучела; нам было противно, и мы не ходили туда, несмотря на близость»⁸⁴. Подобные оценки политической акции большевиков, очевидно, были распространены в среде тех московских интеллигентов, которые были критично настроены по отношению к властям. При этом сожжения чучел и фейерверки имели определенный резонанс в городе, — став предметом слухов и разговоров, они привлекли внимание и тех, кто лично не присутствовал на празднике.

Сожжения чучел врагов не стали важной частью празднования годовщины революции в Петрограде, хотя возможность включения этого элемента в церемонию обсуждалась организаторами торжеств. Представители культурно-просветительских отделов 2-го района города говорили о необходимости «устроить аллегорические фигуры, изображающие два противоположных мира. Одна — изображение мирового самодержавия и капиталистического строя, представленная группой лиц. Эта фигура, как отживающая и сгнившая, свертается и сжигается. Другое — изображение всеобщего мира и братства и всеобщего просвещения. Это — обозначение нового созидания и творчества»⁸⁵. Сожжение фигуры, символизирующей старый строй, должно было проходить «при пылающих факелах, пении и звуках музыки»⁸⁶. Этот план не был воплощен в жизнь, но 8 ноября 1918 года на Неве матросами Балтийского флота было организовано сожжение изображения Бастилии⁸⁷.

Планы по проведению в Петрограде символических сожжений чучел врагов разрабатывались и ранее, до годовщин Октября. Так, к празднованию 1 Мая 1918 года была сделана попытка организовать шествие кортежа из двух колесниц, олицетворяющих старый и новый мир. Старый мир символизировали дракон с надписью «царизм» и колесница «Герб старого строя» в виде двуглавого орла⁸⁸. Из-за недостатка средств план не был реализован, но очевидно, что ноябрьские сожжения в Москве едва ли можно считать «интересной символической новацией празднования 7 Ноября»⁸⁹ — петроградские большевики приняли попытку использовать эту церемонию уже в ходе первого крупного праздника советской эпохи.

Чучела врагов сжигались и в других местах. Свидетель сожжений в селе Котлы Ямбургского уезда⁹⁰ описал празднование так: у праздничных арок «был построен костер из правителей и слуг старого строя, внизу, как основание костра, стояло 5 смолевых бочек, кругом щиты с портретами бывших царей, министров и генералов, а наверху два гипсовых бюста, хорошо известного котельским крестьянам крепостника-помещика “Альберта”, который отличался тем, что запарывал крестьян на своей конюшне»⁹¹. Сожжение этих изображений в «костре революции» стало центральным элементом праздника. Корреспондент так рассказывал о происходящем:

Глазам присутствующих представилась долго незабываемая картина, когда убеленные сединами, помнящие из рассказов своих отцов и дедов все ужасы власти крепостников-помещиков, веселились, как малые дети, видя, как огненные языки касаются изображений когда-то сильных мира сего, на которых их приучали смотреть, как на божества, и, когда вихрь огня подточил гипсовые изображения бывшего котельского крепостника «Альберта», и бюст рухнул с пьедестала в море огня, рассыпавшись на сотни мелких частиц, восторженное ура вырвалось из груди всех участников, на время оторванных от своих земледельческих и хозяйственных забот⁹².

Радость, по мнению автора отчета, сплотила участников праздника: «В этот момент все были как бы спаяны электрическим током одного торжества, полного уничтожения всех остатков старого рабского строя, под зарево пожара мировой революции и восходящего светоча нового социалистического

строю в многострадальной Европе»⁹³. Как мы уже видели на материалах, рассказывающих о московском сожжении, время праздника становилось временем повторного — символического — ниспровержения власти помещиков. Осознание освобождения от этой власти должно было спаять в единое сообщество участников торжеств. Уничтожая изображения представителей прежней элиты, празднующие должны были прочувствовать социальные перемены на эмоциональном уровне.

В ходе сожжения чучел в Воронеже получил распространение мотив бестиализации: враги революции были изображены в виде гидры с тремя головами — царя, священнослужителя и кулака. По воспоминаниям организатора церемонии Г. С. Малюченко⁹⁴, «на специальном помосте гидру ждали “судьи”. На середине плаца горел огромный костер из нефти. <...> Судья, одетый в рабочий производственный костюм, через рупор оглашает приговор, в котором перечисляются все _преступления контрреволюции, а сама “гидра контрреволюции” приговаривается к уничтожению навсегда через сожжение»⁹⁵.

В Пензе участники торжеств пропели «отходную» городовому и сожгли его чучело⁹⁶. В городе была организована и другая акция карнавального насилия: по одной из центральных площадей проехала повозка-тройка, в которую были впряжены «поп с плакатом: “были когда-то и мы рысаками”, помещик и офицер». Крестьянин подгонял «ленивую “тройку”» кнутом, а окружившие повозку украинцы подпевали: «гайда тройка, снег пушистый»⁹⁷.

В Пашской волости были сожжены «остатки знаков старого строя» — «портрет царя и корона»⁹⁸. В селе Брасово Брасовской волости Севского уезда Орловской губернии были сожжены чучела «попа, кулака и самогонщика»⁹⁹. В Елизаровской волости Павловского уезда Нижегородской губернии, как сообщал корреспондент газеты «Беднота», «на третий день [празднования. — К. Г.] сожгли мы чучело, как остатки старого строя, и радостно кричали “ура”»¹⁰⁰. Если в Москве акты символического насилия предвворяли официальные церемонии, то в данной местности они завершали праздник.

В некоторых населенных пунктах уничтожения изображений врагов проходили не в форме сожжений. В Белозерске «чучело капитализма» было стащено с праздничной трибуны,

а на месте «старых гербов» установлен «новый социалистический»¹⁰¹. В Перми был организован «военный карнавал», включающий в себя такие элементы, как «предсмертные судороги империализма, смерть империализма (на автомобиле был установлен гроб), раболепие духовенства пред самодержцами-империалистами»¹⁰².

В зависимости от места проведения праздника и аудитории, на которую была рассчитана церемония, для акта символического сожжения выбирались наиболее актуальные для данного локального сообщества образы врагов. Можно говорить об отсутствии единообразия, невысоком уровне организации этого элемента празднования в масштабах страны. Единый для всей Советской России сценарий сожжений отсутствовал, а инициативы и эксперименты местных активистов играли немалую роль в том, что праздники отличались определенным разнообразием.

Причину относительной распространенности церемонии сожжений в различных городах Советской России едва ли следует искать в централизованном характере раннесоветских празднеств. Как уже отмечалось, в рассматриваемый период времени формирующаяся праздничная культура не имела единого центра распространения и координации процесса подготовки торжеств — праздники еще не были в полной мере унифицированы столичными директивами. Важно учесть иное обстоятельство: советская праздничная традиция вобрала в себя элементы традиций предшествующих, ориентация на которые повлияла на формирование советского праздничного канона не меньше, чем целенаправленные усилия по унификации праздника. Недостаток опыта у организаторов праздничных торжеств, отсутствие определенных инструкций из центра вынуждал их опираться на известные им традиционные праздничные модели. Образы, метафоры, элементы ритуала, привычные и для организаторов праздника, и для его участников, перекодировались, приспособлялись к конкретной политико-культурной и социально-экономической ситуации.

Исследователи указывают на то, что существенное влияние на идею проведения символических сожжений оказала дореволюционная праздничная традиция, в частности сожжение чучела Зимы на Масленицу¹⁰³. Об этом влиянии прямо писал автор цитируемой выше заметки в газете «Беднота»:

«Давным-давно был у наших предков хороший обычай: праздновали наступление весны и жгли на этом празднике чучела зимы. Весна — новая жизнь, расцвет всех сил природы, а зима — смерть всего живого. Пролетарская весна началась в октябре и похоронила суровую зиму — старый мир, мир угнетения, мир, где хорошо жилось только дармоедам и где была вечная каторга для тружеников»¹⁰⁴.

При этом, несмотря на сходство праздничных церемоний сожжений изображений и чучел врагов с языческими обрядами, символическая нагрузка этих действий была различной: создатели советских торжеств решали в первую очередь политические задачи¹⁰⁵.

Был и еще один прообраз советской традиции праздничных сожжений: уничтожение «символов старого строя», олицетворяющих врагов революции, было важной формой символического насилия февральского этапа революции 1917 года¹⁰⁶.

Кроме того, следует отметить, что не только российские праздничные обряды лежат в основе церемоний торжественных сжиганий образов врага в первые годовщины Октября. Автор цитировавшейся выше заметки отмечал: «Мне приходилось видеть такие церемонии за границей, где сожжение чучел, напоминающих наиболее постылые фигуры современности, предельвается народом с большим увлечением»¹⁰⁷. Публицист ссылаясь на позитивный, по его мнению, зарубежный опыт, который, возможно, был учтен и организаторами праздников.

Можно говорить и о значении праздничной традиции Французской революции XVIII века. К примеру, организатор сожжения «гидры контрреволюции» в Воронеже Г. С. Малюченко вспоминал о том, что идея сожжения пришла к нему «под влиянием прочитанной книги Ж. Тьерсо “Празднества и песни Французской революции”», и он, «увлекшись описанием театрализованных карнаваловых шествий эпохи французской революции 1789–1793 годов, <...> решил организовать подобное карнавальное шествие и в Воронеже во время празднования первой годовщины Октябрьской революции»¹⁰⁸.

Культура Французской революции оказала воздействие и на организаторов празднования в Петрограде, где, как уже упоминалось выше, моряки Балтийского флота сожгли изображение Бастилии.